

ДРАКОХРУСТ Александр Абрамович (1923–2008)

Автор многих поэтических сборников. Родился в ноябре 1923 г. в Москве. Участник Великой Отечественной войны. Окончил Московское военное училище и Хабаровский государственный педагогический институт. С 1946 по 1971 годы был военным журналистом и почти двадцать лет прожил на Дальнем Востоке. Сборники его стихов издавались в городах, где ему по долгу его

журналистской работы приходится служить: Владивостоке, Хабаровске, Минске.

В СОРОК ПЕРВОМ

Он падал из дымящегося зноя,
Стремительно теряя высоту:
Он весело охотился за мною,
Из всех стволов дырявя пустоту.

А я с ним – в прятки. Выжду терпеливо
И не дыша перемахну большак...
А он стрелял. И усмехался криво.
И кожаный показывал кулак.

Еще заход – и снова острой тенью
Прокошен луг. И значит – мне пора!
Но я тянул какое-то мгновенье,
Как будто это впрямь была игра,

Как будто он достать меня не может,
Как будто я от пуль заговорен...
Я испугался позже, много позже,
Когда меня уже не видел он.

СОЛДАТСКИЙ СОН

Сергею Тельканову

Мы чуть не сутки без просыпу
В траншее спали у Днепра...
А немец сыпал, немец сыпал,
Воронки рыл у переправ.

Над нами лопались шрапнели,
«Штукасы» выли в облаках...
А мы храпели, мы храпели
На наших тощих вещмешках.

Сержанты нас трясти устали,
Охрип горластый старшина...
А мы сгребали, мы сгребали
Последние обломки сна.

Давно траншеи опустели,
Война уже не будит нас...
Ах, если б так в своих постелях
Поспать сейчас!

***

Крестил комбат с отчаянным надсадом

И в мать и в бога наш залегший взвод.
Хватал за плечи – мол, вперед, ребята!
Просил: «Вперед!.. Иначе – перебьёт...»

Но мы лежали, в насыпь вжавшись плотно,
В горячих комьях вспоротой земли.
Умолк сержант. За грудь схватился взводный.
А мы никак подняться не могли.

Упала, шею вытянув, граната...
Разрыв. И стон. И пена на губах.
И наша Катька, ППЖ комбата,
Вскочила: «Гады! Вы трусливей баб!..»

И только шаг, и только вскрик короткий...
И в нас, парнях, переборола страх
Девчонка эта в выцветшей пилотке,
В зеленых – из брезента – сапогах.

А мы ее, признаться, звали шлюхой.
Но все бы там погибли, у высот...
Рыдал комбат. Гудели взрывы глухо.
А из пробитой сумки капал йод...
1966

ПЛАНИДА

Кто б мог подумать, что дотопаю?
Кто б мог поверить – доживу?
Не подорвусь перед окопами,
не рухну в красную траву,
не захлебнусь, в глубины втянутый
водоворотами Днепра,
не сгибну, ежели нагрянут – и
ударят с неба «мессера»,

не окочурюсь с бедолагами,
нажравшись падали в плену,
не стану в зоне пылью лагерной,
уже отвоевав войну,
не кончусь после дряни выпитой,
задохшись в белой тишине...
Такая уж планида выпала.
За что? Какое дело мне!
1991

В ТОМ БОЮ

Остервененье ближнего боя,
Рукопашная вразнотык –
Белый глаз, сопля над губою
и проколотый в горле крик...
О, как душу мне изувечило
в том бою на исходе дня
это дело нечеловечье:
я – его
или он – меня!..
1990

НА МАНЫЧЕ

Он лежал с разорванным животом
в серой, как шинелька, пыли
и хрипел обугленным ртом:
«При-стре-ли...»
А я, склоняясь и чуть дыша,
глотал забившую горло жуть
и на свесившийся ПППШ
опасался взглянуть.
И не было ни духу ни сил,
и чувствовал, что схожу с ума...
О, как я подлую смерть просил,
чтобы она – сама!
А танки – вот они! И всего
миг, в который надо решать...
И я оставил его одного –
умирать.
Оставил, душу свою губя
и не вымолвив: «Отпусти...»
Как за это винить себя?
Как – простить?
1995

В ГОСПИТАЛЕ

... А разрывы то громче, то глуше,
и воронки вокруг меня.
Но в спасительной волокуше
жизнь не вытащит из-под огня.
Ах как мучительно мне и жарко!
Как безжалостен бред ночной!
Постаревшая санитарка –
жизнь! – подольше побудь со мной!
1995

ПЕРВЫЙ ПРЫЖОК

Поше-ел!..
И жизнь на повороте,
Еще бы миг. Секунду. Две...
Ведь это очень просто вроде –
Шагнуть в распахнутую дверь.
Ведь это, кажется, несложно:
Толчок – и все летит вокруг...
Но почему-то подлой дрожью
Колени прострелило вдруг,
Но почему-то вдруг неловко
Ты ухватился за стену, –
Как будто новые подковки
Порог магнитом притянул.

...Вот так и я
В разрывах минных
Примерз однажды к стенке рва
И от железных комьев глины
Не мог подошвы оторвать.
– Поше-ел!..
Я прыгнул за комбатом,
Как будто в люк, – рывком вперед...
– Ур-р-р-а-а!..
И ров поплыл куда-то...
– Ну отрывайся! Твой черед!

РАЗВОД КАРАУЛОВ

Обычный развод караулов,
Наскучивший инструктаж...
И в такт автоматного дула
Качнулись: – Ша-а-агом... арш!
Размеренно глина чвакает –
Расплавил апрель снега,
В проливе

плывут за чайками
Японские берега.
И топаем честь по чести мы –
Парнишки из дальних мест...

Быть может, когда-то в Бресте
Вот так же
Гремел оркестр,
И, глядя в даль пограничную,
Трубач безмятежно дул,
А кто-то шагал привычно
В последний свой
Караул.

***

На убыль шла война.

Еще атака –
И Шпрее сквозь пролом открылась нам.
Я видел:

      санитарная собака
И та прижалась к битым кирпичам.
Как будто чувства наши понимая,
Хотела поберечься и она...

...Рвались гранаты на переднем крае,
На мостовую падала стена.
Но поднимались,
                зажимая нервы,
Ползли, кровавый оставляя след,
Как будто под Смоленском
                в сорок первом,
Как будто никого за нами нет...

***

Это о них писали скупом в сводках:

«Пропавшие...»

      Домой в пыли дорог
Они брели.

      Лохматые обмотки
Сжимали икры исхудавших ног.
Навстречу им – машины, пушки, лица,
Погоны...

      И летел дорожный прах,
Запорошив поблекшие петлицы
На старых отложных воротниках.
Глаза, глаза –

огромные, как блюда,
Глухие всхлипы, и слова не в лад...
...Мне так тогда хотелось
Отвернуться,
Как будто я был в чем-то виноват.

У КОРОЛЕВСКОГО МОСТА

Памяти неизвестного танкиста

Он сгорел на мосту, у самого края.
Над водою
пальцы чернели тонкие...
Мы долбили асфальт – и ходил, вздыхая
Помкомвзвода мой –
Клим Иванович Пронкин.
Где в Берлине найдешь хоть доску
лядащую?
Только битый кирпич и железо острое.
Смотрим,
«батя» шинель свою к яме тащит:
«Пусть уголь один...
Да нельзя ж так просто...»
Поднесли. Разогнули колени ломкие,
Хрусткой кожи коснуться боясь невольно.
«Вы потише, ребята!» – просил нас
Пронкин,
Словно углям еще могло быть больно...

***

Ремнем – за балку потолочную,
Рукой – за крюк.
И – прыг в пролом.
А немцы били одиночными,
И тяжело качался дом.
Граната – с ходу – в дверь открытую,
С налету –
очередь, как нож..
Ступеней спины перебитые –
Я грудью чувствовал их дрожь!
Полсуток, пыль глотая рыжую,
Мы лезли вверх, под облака...
Теперь до звезд, наверно, ближе
Чем было нам
до чердака.

***

Ты видишь:
        клубится годов дымовая завеса,
Ты чувствуешь:
        реже в рубцах просыпается боль...
Но что это?..
        Снова на головы падает «мессер».
И танки горят.
        И ползет по развалинам бой.
Я знаю,
        я знаю:
                ты вечно играешь тревогу,
Ведешь по траншеям,
                по скорбным палатам в бреду...
Послушай,
        когда-то я сам эту выбрал дорогу,
И ты не пугай.
        Я опять, если надо,
  пойду!

БЫВШИЙ ПЕРЕДНИЙ КРАЙ

Словно ленты муара,
                песчаные тянутся гряды.
и внезапно торжествен
                их вид,
                просветленный волной,
и вороны,
        как будто копируя наши парады,
на ногах.
        на негнущихся,
                топают передо мной.
И ни вскрика,
        ни всплеска,
                ни выброса
ни разорванных вспышкой
                и гулко бомбящих небес, –
только ватные клочья,
                сползающие постепенно
с невысокой горы,
        как подобья былых дымзавес.
Только черная топь,
                только поздние жгучие росы,
и над сонным заливом –
                прощально курлычащий клин.
и еще –
        все в бинтах –
                у размытых окопов
  березы,

на которых краснеют
и не расплываются
гроздь рябин.

ИЗ ПЛЕНА

О, как старалась их скосить – косяя!
Но – выжили.

И вот теперь, в пыли,
из горького забвенья воскресая,
они с утра до вечера брели.

Навстречу им –
машины, пушки, лица,
погоны...

И летел дорожный прах,
запорошив поблекшие петлицы
на старых отложных воротниках.

За мужество не требуя награды,
не принимая жалости в расчет,
обочинами прусской автострады
к нам шел из плена
сорок первый год.

1956

***

**Избыточный бетон мемориала,
гранита неохватный монолит...**

И всё кому-то мало,

мало,

мало

торжественных

и равнодушных плит,

Закрыта монументом панорама,
от скромных пирамидок – ни следа.

И лишь одним концом

торчит из хлама

И колет в сердце

ржавая звезда...

21 июня 1976 г.

***

«Война всё стихнет...»

Поговорка военных лет

Нет, война ничего не списала,
ничего не простила война.
Не забыты концы и начала,
не забыты беда и вина.

Почему же,
    прошедшие с боем
крестный путь в сорок первом году,
мы вину прикрываем бедою,
валим всё на нее – на беду?

1958

***

Орешник заплутал в тумане едком,
В истаявшем снегу дороги нет...
Ушла вперед, ушла моя разведка,
И я всю жизнь спешу за нею вслед.
Осколками ложится мокрый гравий,
Ближайший обнажая поворот.
И тонет, тонет, как на переправе,
От страха, что ли, посиневший лед.
А я скольжу, скольжу по этой сини,
Проваливаюсь, ноги волочу...
И знаю, что догнать уже не в силах,
Но все-таки сдаваться не хочу.

В НОЧЬ НА 22 ИЮНЯ...

Нам нынче не уснуть в дырявой клуне –
Лежим плашмя и не смыкаем глаз...
Гроза в июне, о гроза в июне! –
Гремит артподготовкой битый час.

Всю память нам воронками изрыла.
И перекатом в небе грозовом
Опять разрывы, рвут рассвет разрывы...
...А мы тогда считали: это – гром.